УДК 811.161.1(571.54)(09)
ББК 81.411.2-03(285.4)

А.П. Майоров

**СВЕРХТЕКСТ
В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ
ДЕЛОВОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ XVIII В.
КАК ИСТОЧНИК
РЕКОНСТРУКЦИИ
РЕГИОЛЕКТА ТОГО
ВРЕМЕНИ**

Среди памятников деловой письменности XVIII в. в качестве источников реконструкции региолекта выделяются такие жанровые разновидности сверхтекста, как следственные дела, инвентаризационные описи, резолюционные журналы.

Сравнительный анализ лингвистической содержательности входящих в сверхтекст текстов позволяет определить региональный статус лексической единицы, уточнить лексическое значение слова; установить значение слова-гапакса, оценить характер синонимических отношений у слов.

Ключевые слова: *региолект, регионализм, сверхтекст, забайкальская деловая письменность XVIII века.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-3-34-45

Майоров Александр Петрович – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова
Тел.: +7-924-652-74-61
E-mail: map1955@mail.ru

© Майоров А.П., 2019.

Памятники деловой письменности XVIII в. отличаются исключительной многожанровостью и связанными с нею различным объемом и характером лингвистической содержательности деловых текстов; учет же этих параметров для исследования истории русского языка данного периода имеет первостепенное значение. Парадоксальным фактом остается то, что в отличие от делового языка XI – XVII вв. (особенно приказного языка Московской Руси) деловой язык XVIII в. изучен сравнительно мало, несмотря на то что его важная роль в становлении единых норм литературного языка нового типа признается многими ведущими учеными, специалистами в области истории русского языка национального периода и лингвистического источниковедения – В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Г. Хюттл-Фольтер, В. М. Живовым, Л. А. Глинкиной, И. А. Малышевой и др.

Историческая русистика сегодня постепенно восполняет незаслуженный пробел в изучении русского языка XVIII в., в частности – в исследовании языка региональной деловой письменности этого периода [Биктимирова, 2010; Выхрыстюк, 2006; Глинкина, Чередниченко, 2001; Голованова, 2008; Горбань, Шептухина, 2013; Малышева, 1998; Трофимова, 2008; Полякова, Никитин, 2003; и др.].

Рассматривая текст деловой письменности XVIII в. в качестве источника реконструкции раз-

говорного идиома определенного региона, прежде всего следует иметь в виду ряд текстовых свойств документов того времени, на которых лежит печать книжно-письменной и приказной традиции, и учет этих свойств требует дифференцированного подхода к изучению языка деловых бумаг при выявлении народно-разговорных черт.

В лингвистическом источниковедении, связанном с историей русского языка, анализ лингвистической содержательности текстов деловой письменности с целью выявления фактов разговорной речи в первую очередь предусматривает различение формулярной и казусной частей документа. Будучи специальным методом дипломатики, формулярный анализ стал широко применяться в лингвистическом источниковедении [Котков, 1974, с. 254 – 263] и дал убедительные результаты.

Если состав определенных формул, характеризующих тот или иной документный жанр, был регламентирован и представлял собой комплекс устойчивых словесных оборотов, как правило, закрытых для влияния разговорной речи (исключение здесь могут составлять отдельные категории регионализмов), то казусная часть содержала информацию, непосредственно связанную с фактами, событиями, явлениями внеязыковой действительности и передаваемую в основном лексическими средствами разговорной речи.

В свою очередь казусная часть в зависимости от жанровой принадлежности и коммуникативной направленности документа несет информацию разного типа – содержательно-фактуальную, либо содержательно-концептуальную (в терминологии И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981, с. 27 – 28]). В частности, с одной стороны, распорядительные документы XVIII в. содержат информацию, которая сообщает понимание каузальных, родо-видовых, пространственно-временных отношений, связей между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, и служит основанием для принятия распоряжения. Эта информация передается повторяющейся из документа в документ делопроизводственной и административно-законодательной терминологией, канцелярскими речевыми штампами. Осуществляется отбор преимущественно абстрактной лексики, которая могла бы обозначать внеязыковые явления концептуально, с учетом правовых категорий, норм дело- и судопроизводственной практики того времени.

С другой стороны, в просительных и регистрационных документах требовалось сообщать о фактах, ситуациях, событиях, которые происходят или происходили в реальной действительности, максимально точно и адекватно. Здесь уже были востребованы в основном предметные слова, причем конкретная лексика в этом случае могла называть специфические для культуры данного региона реалии. Говоря о документальной точности сообщаемой информации в казусной части просительных до-

кументов, уместно вспомнить слова А. М. Селищева, который подчеркивал: «Когда говорили <в произведениях делового содержания. – А.М.> о воровстве, о драке, о вырванной бороде, о разбитом в кровь лице, применялась и соответствующая речь – речь обыденной жизни» [Селищев, 1968, с. 133].

Разграничивая по объему и характеру лингвистической содержательности документы разных жанров, нельзя не отметить тот факт, что одна и та же информация может повторяться в различных деловых бумагах, которые объединяются по содержательным и ситуативным признакам в так называемый сверхтекст.

Под сверхтекстом понимается совокупность текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно и характеризующаяся цельной модальной установкой [Купина, Битенская, 1994, с. 215]. Несмотря на то что в современном языкознании онтологическая характеристика сверхтекста осуществлялась и осуществляется в подавляющем большинстве на материале художественных текстов, типологически и хронологически отличающихся от текстов исторического документоведения, удачным, на наш взгляд, оказывается опыт проецирования понятия «сверхтекст» на исторические деловые тексты, в частности следственные дела [Голованова, 2008а, с. 19 – 20]. В данной статье преследуется цель применить в отношении забайкальских деловых текстов, объединенных в рамках определенных жанровых разновидностей, понятие сверхтекста как способа реконструкции региолекта того времени.

Важными критериями в типологии сверхтекстов выступают: (1) критерий общности референта (события, ситуации, лица) объединяемых в рамках сверхтекста текстов; (2) общность признака родовой, видовой, стилевой принадлежности интегрируемых текстов [Лошаков, 2008, с. 25]. Помимо основополагающей категории цельности и связности, сверхтексту присущ ряд других текстовых категорий – ретроспекции и проспекции, пресуппозиции, темпоральности и локальности, интеграции и завершенности и др. [Гальперин, 1981, с. 74 – 130].

Указанные свойства выявляются у исторических деловых текстов, и в результате применения понятия «сверхтекст» в отношении памятников деловой письменности среди них можно выделить такие жанровые разновидности сверхтекста, как следственные дела, инвентаризационные описи, резолюшные журналы. Они служат надежным источником реконструкции региолекта, позволяя идентифицировать присущие для данного идиома территориально ограниченные в своем функционировании лексические средства – регионализмы.

Необходимо особо отметить актуальность в данном случае использования понятия «регионализм», в отличие от понятия «диалектное сло-

во». Под регионализмом в исследовании понимается языковая единица региолекта. Региолект же представляет собой такое языковое образование, которое призвано обслуживать повседневное общение носителей языка в том или ином регионе полиэтнического языкового сообщества независимо от их социального положения, возраста, пола и т.п. [Майоров, 2016, с. 52]. Иными словами, для регионализма характерна основная социолингвистическая черта – его активное использование в речи носителей региолекта различных социальных категорий. Соответственно, квалифицирующим признаком регионализма будет служить его употребление в жанрах как официально-деловой письменности (указах, приказах, промемориях и т.п.), так и в жанрах отчетно-исполнительной, просительной документации.

В этой связи статус региональной лексической единицы будет хорошо опознаваться в документах разной жанровой принадлежности, объединяемых в рамках следственного дела как сверхтекста. Как уже отмечалось выше, впервые понятие сверхтекста в отношении исторических деловых текстов было разработано О. И. Головановой на материале тюменских следственных дел конца XVIII в. [Голованова, 2008б, с. 136 – 188]. Анализируя средства организации сверхтекста, ученый выявляет такие специфические признаки сверхтекста следственного дела, как «общие коммуниканты, объекты действия и хронотоп, в свою очередь включающий такие элементы, как время совершения преступления, время составления документа, сюжетное время, время, в котором интерпретируется текст, и географическое, административно-территориальное, ведомственное, церковное пространство» [Там же, с. 4].

Подтверждая верность выделяемых признаков в отношении байкальских памятников деловой письменности, следует добавить, что сверхтекст следственного дела отличает совокупность наиболее характерных для него документов определенных жанров и строгая хронологическая последовательность интегрируемых текстов, на которой строится структура сверхтекста и которая выступает как элемент его цельности и связности.

Типичными в составе следственного дела являются тексты объявления 'заявления' (жалобницы, челобитной), рапорта, указа, допросных речей, экстракта. Помимо этого, в него могут включаться тексты инструкции, промемории, повального обыска, очной ставки и других жанров, создаваемых в процессе следствия и сводимые воедино в хронологическом порядке в следственное дело. Во всех интегрируемых текстах в качестве обстоятельств расследуемого дела приводится описание ситуации, изложение которой в исходном документе – объявлении (челобитной, прошении, жалобнице и пр.) или рапорте служит основанием для возбуждения официального расследования.

Таким образом, следственное дело следует характеризовать как закрытый сверхтекст жесткой структуры (или, в другой терминологии – однотипно структурированный сверхтекст).

Рассмотрим в качестве примера следственное дело о краже у канонира Петра Курбатова сум с деньгами и товаром, опубликованное в [ПЗДП, 104, 1769]. Один и тот же сюжет об обстоятельствах похищения имущества Петра Курбатова, когда он был командирован для покупки бумаги «на исправление текущих письменных дел», повторяется в тех или иных вариантах в документах разного жанра – рапорте, промемории, объявлении, экстракте. Общность референта – события, лиц, участвующих в нем, и родовой, стилевой принадлежности текстов к судопроизводственным документам, позволяет идентифицировать данное следственное дело как сверхтекст.

На лексическом уровне цельность сверхтекста поддерживается ключевыми словами, маркирующими тему события, которое предстало основанием для судебного расследования. Однако здесь мы сталкиваемся с проявлением норм регионального узуса, с одной стороны, и норм литературного языка – с другой. Данное столкновение норм реализуется в виде вариативных языковых средств, из которых одно является регионализмом, а другое – общеупотребительным словом, как правило, освященным нормой литературного языка. Так, в анализируемом сверхтексте, первоначально в первичном тексте следственного дела – в рапорте, употребляется слово *запас* с трудно толкуемым значением:

Мордовской ему Курбатову во первых об[ъ]явилъ что у него в генваре мсце з двора пропало хомутов пять да з запасомъ четыре мешка [ПЗДП, 104, л. 72 об., 1769].

У литературного слова *запас* в русском языке XVIII в. выявляется ряд значений – ‘действ. по гл. запасты–запасать; запасение чего-л.’, ‘съестные и прочие припасы, заготовленные впрок’, ‘излишек ткани, оставляемый при шитье (у швов, подгибов)...’ и др. [Словарь русского языка XVIII в., вып. 8, с. 46 – 47]. Приведенный выше контекст у данной лексики допускает реализацию практически любого значения, выделяемого у него в Словаре русского языка XVIII в. И тем не менее значение этого слова устанавливается однозначно благодаря встроенному в экстракт тексту вторичного вопроса этого же свидетеля (средства синонимической замены подчеркнуты):

Мордовской же показаль пропаша у него была того ж 769 году мсца генваря числа не упомянуть покрадено у него из саней неведомыми ворами пять хомутовъ да с приготовленным в отдачу в казну хлебомъ четырьми мешками [Там же].

Очевидно, что в выделенном словосочетании речь идет о том же денотате, который в одном случае обозначен словом *запас*, а в другом –

словом *хлеб*. Таким образом, данные сверткста помогают уточнить лексическое значение слова *запас*, которое употреблялось в значении, не характерном для литературного языка, и являлось, скорей всего, регионализмом.

Деловые тексты в составе следственного дела могут дать сведения, подтверждающие региональный статус того или иного слова. Так, в следственном деле о нанесении раны ножом братскому Очиру Бомбоеву промышленным работником Иваном [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2] практически во всех документах сверткста – инструкции, доношении, рапорте, доезде и др. – употребляется слово *холка* в значении ‘ягодица’:

- *и онои промышленои выскочил из юрты за ним Очиром с ножемь и ткнул ево Очира оным ножем в правую холку пониже поясницы* [из доношения – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 381, 1730];

- *а по осмотру явилось у него Очира на правои холке пониже поясницы поколото ножем весьма жестоко в ширину оная рана в полвершка* [из доезда – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 383, 1730].

Характерным признаком данного сверткста является то, что составителями деловых бумаг выступали лица разных социальных категорий – канцеляристы, следователь и свидетели – крестьяне, промышленные работники, чиновники, имеющие отношение к данному делу и др. Слово *холка* в значении ‘ягодица’, незнакомое литературному языку, употребляется всеми составителями исследованных деловых текстов пресуппозитивно, как хорошо известное носителям забайкальского региолекта, поскольку никаких глосс, синонимических замен этого слова в текстах разных документов не встречаем.

Словоупотребления в рамках следственного дела как сверткста могут уточнить характер системных связей лексических единиц региолекта, удостоверяя региональный статус того или иного лексического синонима, выявляя возможную стилистическую окраску. Например, в разных текстах одного следственного дела о ряде краж в г. Иркутске используются различные наименования одного и того же денотата. В допросных речах подозреваемого Ф. Воротилова для названия кожаного мешочка с набором личных вещей используется слово *калаусь*:

- *сказываль Рогачевъ что оставилъ над той дырой калаусь з бритвой* [ПЗДП, 91, 1785].

В допросных речах другого подозреваемого вместо этого слова в идентичном контексте употребляется слово *киса*:

- *А Рогачевъ сказываль намъ дорогою что кису козловую з бритвами* <оставил. – А.М.> [ГАИО, ф. 783, 1785].

Прежде всего очевидно, что слова *киса* – *калаусь* носителями забайкальского региолекта употребляются как абсолютные синонимы, а это предметной лексике совершенно не свойственно. В этом случае следует

предположить различие по сфере употребления или по сфере распространения лексических единиц. И действительно, по данным Словаря русского языка XVIII в., прослеживается общеупотребительность слова *киса* [Словарь русского языка XVIII века, вып. 10, с. 40], слово же *калаусь* в нем не представлено, что должно свидетельствовать о территориально ограниченном функционировании данной лексемы. Сибирское бытование слова подтверждают сведения о его территориальной распространенности в «Этимологическом словаре русских диалектов Сибири». Слово с его вариантами *калауз* (*калаус*, *калауж*, *колоуш* и др.) охватывает в своем функционировании ареал от Урала до Дальнего Востока [Аникин, 2000, с. 238]. Следует отметить, что в отличие от уральских, пермских и западносибирских вариантов слова, выступающего в основном со значением 'охотничий мешок', восточносибирские варианты слова и его заимствования в коренных языках Восточной Сибири характеризуются близкой к забайкальскому слову семантикой – якут. *xalābys* 'сума, кошелек', ю.-сиб. *калауз* 'мешочек для иголок, ниток и т.п.', н.-индиг. *калавуж* 'небольшой мешок для мелкого инвентаря' [Там же, с. 238].

Помимо следственных дел ценными для установления региолектных особенностей в словарном составе регионального варианта русского языка XVIII в. представляются данные такого сверхтекста, как инвентаризационные описи. Составлявшиеся с определенной периодичностью, они в большинстве случаев при дублировании текстовой информации отличаются определенным ее варьированием, которое нередко может не только прояснить семантику какого-то регионализма, но и помочь установить значение слова-гапакса, которое с большой долей вероятности будет относиться к регионализмам. Так, в одном из текстов составлявшихся ежегодно инвентаризационных описей недвижимого имущества Троицкого Селенгинского монастыря употребляется слово *паговый*:

При тэхъ анбарахъ на отставкаэ сушило бревенчатое сверху тесаное паговое [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 146, л. 11, 1762].

Данное слово в известных исторических, этимологических, областных словарях не фиксируется и представлено только однократно в приведенном малоинформативном контексте. Тем не менее семантика этого слова проясняется благодаря тексту другой инвентаризационной описи того же монастыря за следующий, 1763-й год. В ней дублируется подробное описание хозяйственных построек монастыря, но вместе с тем производится синонимическая замена слова *паговый* на слово *гнилой*:

при тэхъ анбарахъ на отставке сушило бревенчатое сверху тесаное гнилое [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 149, л. 4 об., 1763].

Вполне вероятно, что замена обусловлена тем, что слово *паговый* уже на тот момент являлось вторичным диалектизмом, восходящим

к какому-то материнскому говору европейской части России, и другой писец, либо знающий об особенностях описываемых реалий монастыря, либо справившись о значении диалектизма у предыдущего составителя описи, счел нужным заменить незнакомое слово на общеупотребительное.

Наконец, свертхтекст позволяет проследить динамику лексических норм – изменение статуса регионализма с преобразованием его в диалектное слово. Речь идет о так называемых «резолушных» журналах – составлявшихся в канцеляриях 50-х гг. XVIII столетия документах, которые были предназначены для регистрации и краткой записи содержания заседаний при губернаторе и решений, принятых на них. Совокупность текстов таких ежедневных записей также можно квалифицировать как свертхтекст. Документы резолюшного журнала предоставляют примеры смены представления о норме употребления некоторых разговорных слов. Особенно важным в лингвоисточниковедческом аспекте представляется составление текстов резолюшного журнала одним и тем же писцом. Его языковая рефлексия может отражать изменившееся восприятие регионального слова, оценку его как случая нарушения нормы литературного языка. Так, чиновник, регистрирующий проведение в 1754 г. заседаний верхнеудинским губернатором Якобием, употребляет для названия второго, третьего и пятого дня недели соответственно слова *овторник (вовторник), среда, пяток*:

- июня 28 е *овторникъ* прибыль гсдинъ брегадиръ и комендантъ Якобий <...> мая 10 *вовторник* <...> прибыль гсдинъ брегадиръ и комендантъ Якобий <...> „26,, е *среда* прибыль гсдинъ брегадиръ и комендантъ Якобий <...> 7,, е *пяток* прибыль гсдинъ брегадиръ и комендантъ Якобий в присудствие <...> [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 21, л. 183, 1754].

Годом позже этот же канцелярский работник (почерк с предшествующей записью идентичен!) для обозначения этих же дней недели уже так же последовательно использует слова *вторник, среда, пятница*.

Таким образом, при реконструкции региолекта определенной исторической эпохи методологически эффективным является анализ лингвистической содержательности жанровых разновидностей текстов деловой письменности, объединяемых с помощью понятия «свертхтекст», который в кругу забайкальских документов предстает в виде следственных дел, инвентаризационных описей, резолюшных журналов. Сравнительный анализ лингвистической содержательности входящих в них текстов дает возможность:

1) уточнить лексическое значение слова, которое в контексте одного документа обладает незначительной информативностью: описание денотативных свойств реалии в силу действия такой текстовой категории, как пресуппозиция, обычно не приводится;

2) установить значение слова-гапакса;

3) оценить характер синонимических отношений у слов, обозначающих один и тот же денотат;

4) определить региональный статус лексической единицы.

Перспективы исследования свертхтекстов в забайкальской деловой письменности XVIII в. как источника реконструкции региолекта не ограничиваются только областью исследования словарного состава. Использование в отношении деловой письменности методологически актуального понятия «свертхтекст» представляется плодотворным при анализе и реконструкции грамматических, фонетических особенностей забайкальского региолекта. Сам объект исследования может быть подвергнут более глубокому анализу с учетом критерия степени связанности, характера композиции интегрируемых в свертхтекст текстов и выделения сильных и слабых свертхтекстов, свертхтекстов жесткой и нежесткой структуры.

Литература и источники

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Биктимирова Ю. В. Изучение памятников письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков в контексте регионального лингвистического источниковедения // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XII межд. науч.-метод. конф., 20 мая 2010 г. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2010. С. 130–133.

Выхрыстюк М. С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2008. 48 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Деловой язык XVIII века и проблемы исторического лингвокраеведения // Русский язык: исторические судьбы и современность: междунар. конгр. исследователей русского языка. М., ФилФ МГУ, 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы / Под ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. М., 2001. С. 43.

Голованова О. И. Тюменские следственные дела 1782 – 1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2008. 23 с.

Голованова О. И. Тюменские следственные дела 1782 – 1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 347 с.

Горбань О. А., Шептухина Е. М. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 76 – 84.

Купина Н. А., Битенская Г. В. Свертхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 214 – 233.

Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2008. 50 с.

Майоров А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Изв. РАН. Серия литературы и языка, 2016. Т. 75, № 1. С. 51 – 55.

Селищев А. М. О языке «Русской Правды» // Избр. труды. М.: Просвещение, 1968. С. 133 – 136.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8 (*Зальцль – Ижоры*). СПб.: «Наука», 1995. 256 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10 (*Кастальский – Кръпостца*). СПб.: Наука, 1998. 256 с.

Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2002. 42 с.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

д. – дело

л. – лист

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

н.-индиг. – нижнеиндигирские говоры русского языка

об. – оборотный

оп. – опись

ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П.Майорова. Улан-Удэ, 2005. 260 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ф. – фонд

ю.-сиб. – южно-сибирские говоры русского языка.

якут. – якутский язык.

References

Anikin A. E. *Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov*. Moskva; Novosibirsk, Nauka, 2000. 768 p. (In Russian).

Biktimirova Yu. V. Izucheniye pamyatnikov pis'mennosti Vostochnogo Zabaykal'ya XVII-XVIII vekov v kontekste regional'nogo lingvisticheskogo istochnikovedeniya, *Problemy slavyanskoy kul'tury i tsivilizatsii: materialy XII mezhdunar. nauchno-prakt. konf. 20 maya 2010 g.* Ussuriysk, Izd-tvo UGPI, 2010, pp.130-133. (In Russian).

Vykhrystyuk M. S. *Tobol'skaya pis'mennost' XVII-XVIII vv. v aspekte lingvisticheskogo istochnikovedeniya i istoricheskoy stilistiki: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Chelyabinsk, 2008. 48 p. (In Russian).

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya*. M., Nauka, 1981. 138 p. (In Russian).

Glinkina L. A., Cherednichenko A. P. Delovoy yazyk XVIII veka i problemy lingvisticheskogo lingvokrayevedeniya. *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': mezhdunar. kongress issledovateley russkogo yazyka. Moskva, FilF MGU, 13-16 marta 2001 g. Trudy i materialy*, pod red. M.L.Remnevoy, A.A.Polikarpova. M., 2001. P. 43. (In Russian).

Golovanova O. I. *Tyumenskiye sledstvennyye dela 1782-1796 gg. v aspekte lingvotekstologicheskogo i istochnikovedcheskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Tyumen', 2008. 23 p. (In Russian).

Golovanova O. I. *Tyumenskiye sledstvennyye dela 1782-1796 gg. v aspekte lingvotekstologicheskogo i istochnikovedcheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk.* Tyumen', 2008. 347 p. (In Russian).

Gorban' O. A., Sheptukhina E. M. Regional'nyye dokumenty XVIII veka: aspekty lingvisticheskogo opisaniya, *Vestn. Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 2. Yazykoznaniiye*, 2013, no. 3 (19), pp.76-84. (In Russian).

Kupina N.A., Bitenskaya. Sverkh tekst i yego raznovidnosti, *Chelovek. Tekst. Kul'tura.* Yekaterinburg, Poligraf, 1994, pp. 214-233. (In Russian).

Loshakov A.G. *Sverkh tekst: semantika, pragmatika, tipologiya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Kirov, 2008. 50 p. (In Russian).

Mayorov A.P. Regiolekt i regionalizmy v sovremennoy yazykovoy situatsii Rossii, *Izv. RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2016, vol. 75, no. 1, pp. 51-55. (In Russian).
Selishchsev A.M. O yazyke "Russkoy Pravdy", *Selishchsev A. M. Izbrannyye trudy*, M.: Prosveshcheniye 1968, pp.133-136. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vypusk 8 (Zalez't' – Izhory). SPb.: Nauka, 1995. 256 p. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vypusk 10 (Kastal'skiy – Krepostsa). SPb.: Nauka, 1998. 256 p. (In Russian).

Trofimova O. V. *Zhanroobrazuyushchiye osobennosti russkikh dokumentov XVIII v.: na materiale tyumenskoy delovoy pis'mennosti 1762-1796 gg.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Tyumen', 2008. 42 p. (In Russian).

Alexander P. Mayorov (Ulan-Ude, Russian Federation)

Supratext in Trans Baikal Business Written Texts of the XVIII Century as a Source of Reconstruction of the Regional Dialect of that Time

The article deals with the prospects of linguistic-source analysis of the supratext as one of the most common structural varieties of monuments of business writing of the XVIII century. Among Trans Baikal written records as sources for reconstruction of regiolect it is distinguished such genre variety of supratext as the investigation of the case, property inventories, resolution's magazines.

The study was conducted on the material of the Trans Baikal business writing of the XVIII century, and this is the relevance of the topic, since the material of the analyzed supratexts allows to establish the regional status of the used lexical units.

Trans Baikal supratexts, thanks to the integrated multi-genre texts, distinguished by the unity of theme and content, a community of referent and of the chronotope, are characterized by diglossia distribution of linguistic resources – common, book-literary words in the official genres (decrees, promemoria, orders, etc.), on the one hand, and national-colloquial, regionally marked words in the request documents and in the registration of genres (*objavleniya* 'request', inventory records, etc.), on the other hand. These

linguistic means, correlating with the same reality, are in certain systemic relations with each other.

As a result, a comparative analysis of the linguistic content of the texts included in the supratext makes it possible to clarify the lexical meaning of the word; to establish the meaning of the word-hapax; to assess the nature of synonymic relations in words denoting the same denotate; and, most importantly, to determine the regional status of the lexical unit.

Key words: regional dialect, regionalism, supratext, Transbaikalian business writing of the XVIII century.

Alexander P. Mayorov – grand Ph.D. of Philology, professor of the Russian language and general linguistics dpt. Buryatia State University. Ulan-Ude, Russian Federation. Phone: +7-924-652-74-61; e-mail: map1955@mail.ru